

**ВОЗВРАЩЕНИЕ
ДОМОЙ**

Регина Сервус

Регина Сервус

Возвращение домой

«Автор»

2023

Сервус Р.

Возвращение домой / Р. Сервус — «Автор», 2023

Приключения молодого врача Павла в волшебном мире в поисках своей невесты, Изабеллы помогают ему приобрести уверенность в своих силах и понять, что такое любовь. Неожиданные встречи отца Изабеллы со своими старыми друзьями и недругами помогают ему решить главную проблему драконов - правителей волшебной страны.

© Сервус Р., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1 Странная комната.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Регина Сервус

Возвращение домой

Глава 1 Странная комната.

– Ты понимаешь, что мы можем опоздать на самолет?

– Ну, на минуточку! На са-а-амую маленькую, крохотную минуточку!..

– Минуточка не может быть ни большой, ни маленькой, – назидательно изрек Павел, он во всем любил точность и порядок. – Минута – это минута. А завернув к вашему загородному дому, мы по меньшей мере потеряем полчаса!

– Ну, пожалуйста! Пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста! Ведь здесь, считай, прошло все мое детство! А к моменту нашего возвращения, отец уже может продать этот дом, и я его уже больше никогда не увижу... – Изабелла из-под опущенных ресниц как можно более грустно посмотрела на жениха.

Они летели в Париж, в предсвадебное путешествие, так сказать. Сразу же после свадьбы им предстояло отправиться куда-то в Африку к новому назначению Павла. Переезд, обустройство на новом месте, Павел с головой окунется в работу – о каком медовом месяце может идти речь! А так... Медовый месяц до свадьбы... В этом что-то есть! Хотя... Она часто ловила себя на мысли: могла ли она полюбить Павла? А он ее? Да, они заключили сделку, она уже привыкла к нему, но можно ли было то, что происходило с ними назвать любовью?.. Что, вообще, это такое: любовь? Конечно, она много думала о любви... читала... Конечно, она прекрасно понимала, что в жизни все не так, как в книгах, но чтобы так...

Отец сказал: "Пора уже задуматься о самостоятельной жизни". Отец познакомил ее с Павлом. Павел красив, умен, перспективен... Все подруги ей страшно завидуют, и это льстит!.. Но время от времени ее посещала странная мысль: "Все это лишь какой-то длинный забавный сон! Как-нибудь я открою глаза... и ничего нет!.."

А, к черту! Чем меньше думаешь – тем веселее живешь!

Она сморщила свой и без того маленький носик и всхлипнула.

– Не реви! – голосом Карлсона проговорил жених.

Она снова притворно всхлипнула, подхватив игру.

– Это ты реवेशь или я реву? – вновь голосом Карлсона проговорил Павел, он очень здорово умел пародировать Василия Ливанова.

– Это я реву! – Изабелла попыталась сказать это голосом Клары Румяновой[i], но у нее как всегда получилось не очень похоже, поэтому уже своим голосом она как можно жалобнее проговорила:

– При том горько-прегорько...

– Ну, ладно! Ладно-ладно, – сдался Павел, сворачивая на проселочную дорогу, что вела к небольшой деревеньке, где, по рассказам Изабеллы, находился их загородный дом.

Ему нравилось делать ей приятное. Любил ли он ее? А что такое любовь? Как понять, когда ты просто влюблен, увлечен, подвержен влиянию гормонов, а когда возникло то настоящее чувство, которое останется с тобой на долгие годы... преодолит все препятствия?..

Препятствий перед ним никаких не было. Эммануил наоборот сразу так и сказал:

– Я буду счастлив видеть тебя своим зятем.

Сама Изабелла тоже не особенно возражала.

– Если отцу срочно потребовалось выдать меня замуж, – сказала она. – Пусть так и будет. Но, надеюсь, ты понимаешь, что это лишь для нашей общей выгоды: ты получаешь возмож-

ность поехать в Африку, а я получаю свободу. Отец, конечно, никогда не держал меня в золотой клетке, но чувство, что за мной постоянно кто-то следит никогда не покидало меня. Надеюсь, после замужества это прекратится. Заключим партнерское соглашение?

Он так и сказал тогда своим ближайшим друзьям, когда они пили за их отъезд:

– Мы заключили партнерское соглашение.

Конечно, они подняли его на смех. Денис, который всегда был самым умным и рассудительным, сразу сказал:

– Не стыдно тебе использовать девушку в своих корыстных целях?

– Я вовсе не использую ее! – возмутился Павел.

– Ты просто хочешь в Африку, – резюмировал друг.

– «В Африке акулы, в Африке гориллы, в Африке большие злые крокодилы...» – устрашающе продекламировал третий из их компании, Валерка, он специализировался в психиатрии, поэтому всегда старался избегать каких-либо острых моментов, сводя все к шутке.

– Да, я хочу в Африку, – согласился Павел, с грохотом поставив на стол протянутый ему Валеркой бокал. – И я не вижу ничего плохого в том, что женюсь ради достижения своей цели. Не я придумал эти идиотские правила!

– Тогда выпьем за правила! – не унимался Валерка. – Пусть даже и идиотские. Ведь из-за них наша холостяцкая компания лишается одного из ее лучших членов. Пусть и номинально, – он, как бы сдаваясь, выставил перед собой ладони рук и обезоруживающе улыбнулся.

Павел хотел что-то возразить, но вместо этого поднял свой бокал и залпом осушил его.

– О, вот это хорошо! – одобрил Валерка, потягивая свой виски. – Это по-нашему...

– Ничего вы не понимаете, – пробормотал Павел, откусывая бутерброд. – Мне она показала такой одинокой... такой несчастной... Когда она сказала, что очень любит своего отца, но ей нужна свобода, я решил, что помогу ей... У нее какая-то детская травма... Она нигде не учится... не работает...

– Детские травмы – это по моей части, – оживился Валерка, подливая янтарную жидкость в опустевший стакан своего друга. – Жаль, что психиатры в Африке не нужны.

– А как она играет... – продолжал Павел, пропуская слова Валерки мимо ушей. – А еще у нее такие необыкновенные глаза... как море на горизонте...

– Э-э-э, дружок! Да у тебя, как говорят у нас в психиатрии, обсессивно-кампульсивное расстройство, – Валерка подмигнул Денису. Проще говоря, болезнь F63.9.

Денис с Валеркой расхохотались.

– Да, заткнитесь вы оба! – вспыхнул Павел. – Я просто хочу в Африку!..

– И освободить свою прекрасную принцессу из лап злого дракона! – хихикнул Денис.

– А, вон окна моей спальни! – обрадовано воскликнула Изабелла, едва выскочив из машины. – Я только поднимусь вверх, пройду по моей детской, а потом помашу тебе из окна. А ты меня сфотай, ладно? И чтобы дом было видно, и чтобы меня! Получится?

Она поспешно чмокнула Павла в щеку и побежала в дом.

Сердце защемило – здесь все напоминало о детстве. Как хотелось не торопясь пройти по всем комнатам, снять пропыленные чехлы, потрогать мебель, открыть крышку рояля, вспомнить, как мама когда-то учила ее играть... Она тяжело вздохнула и поднялась на второй этаж. Вот и детская. Ее кровать, шкаф, книжные полки... Вся мебель была зачехлена, но она прекрасно знала, что где находится. Стало очень грустно. По-настоящему грустно! Не так она представляла себе встречу со своим детством и юностью...

Изабелла подошла к окну. Павел внизу многозначительно постучал по циферблату своих швейцарских часов. Она помахала ему, попыталась позировать, но слезы сами собой покатались из глаз. Он сфотографировал ее на Айфон и махнул, всем своим видом показывая, что

пора бы поторопиться. Она вышла из детской и плотно закрыла за собой дверь. Вытерла слезы, и тут взгляд ее упал на дверь соседней комнаты. Та была чуть приоткрыта...

С самого детства Иза знала, что с этой комнатой что-то не так. Она находилась за стеной ее спальни, и по ночам ей казалось, что там кто-то ходит, скребет чем-то острым по старым доскам пола, хлопает дверцами шкафов и при этом вздыхает, и стонет. Иногда ей казалось, что она слышит чей-то плач, иногда какие-то сердитые голоса, но сколько ни прислушивалась, она никогда не могла понять, о чем шла речь.

Будучи совсем маленькой, она пугалась, кричала и плакала. Приходила мама. Она успокаивала ее. Нежно обнимала своими тонкими мягкими руками, тихо шептала на ухо самые добрые, самые правильные слова, которые знала только она.

Вместе, крепко взявшись за руки, они шли в эту комнату.

– Лампочка, наверное, перегорела, – в очередной раз сетовала мама, безуспешно щелкая выключателем. – А, может, с проводкой проблемы, – вздохнула она и включала заранее принесенный большой электрический фонарь. Сколько Иза помнила себя, здесь никогда не горел свет.

Они обходили комнату. Иза изо всех сил прижималась к маме, одной рукой она держала ее за руку, а в другой крепко сжимала подол ее широкой юбки – она знала, что если поднырнуть под него, укрывшись с головой, страх пройдет, так как то, что скрывается в этой страшной комнате уже никогда не сможет найти ее.

Широкий луч фонаря освещал стены, покрытые старыми бумажными обоями. Кое-где они отставали от стен и свисали клоками, словно комната, подобно змее выросла из своей старой кожи и пыталась высвободиться из нее. У одной стены стоял большой высокий буфет из темного дерева. Дверцы верхнего шкафа уже давно не закрывались, выставляя напоказ свои пустые полки, покрытые пылью. Такой же слой пыли покрывал и искусно вырезанные, словно увитые плющом боковые стенки открытой части буфета. Дверцы нижнего шкафа, украшенные той же затейливой резьбой, напротив, давно не открывались – скорее всего, были заперты на ключ, который уже давно был потерян.

Мама подходила к буфету, дергала за резные медные ручки, показывая, что никакая сила не способна их отворить. Медленно проводила лучом под узкой щелью между буфетом и разохшимися досками пола. Иза низко наклонялась и вслед за лучом заглядывала под буфет. Там было пыльно и грязно. Девочка знала, за левой резной ножкой буфета прячется маленькое белое блюдце. Оно всегда стояло там. Да, когда-то оно несомненно было белое, а теперь пыльное, грязное, покрытое паутиной. А еще где-то там лежал маленький мячик, неведомо как и когда закатившийся туда.

Затем, следуя за лучом фонаря, осторожно ступая по жалобно поскрипывающему под их ногами полу, они шли в угол, где стоял большой книжный шкаф – родной брат буфета. Он был сделан из такого же темного дерева и украшен таким же резным узором. Потянув за медную ручку, мама открывала скрипучую дверцу и освещала полки, заваленные разными бумагами, заставленные картонными папками и старыми, потемневшими от времени книгами. От движения дверцы пыль, скопившаяся на полках и книгах взметалась вверх. Мама поспешно закрывала шкаф и обе, попеременно громко чихая, спешили покинуть эту комнату.

Мама укладывала дочку в постель и пела песню про далекую необычайную страну над которой летят два дракона. Они – повелители этой страны. Все, кто видят их в небе приветственно машут руками им вслед: трудолюбивые гномы, лохматые Йети, каменные тролли, девушки, танцующие на водной глади и разные другие странные существа, населяющие леса этого удивительного мира.

– Ты и я – вместе мы сила, – шептала мама ей на ухо.

– Мы все преодолеем и никому не сдадимся, – улыбалась в ответ Иза. Это был их тайный ритуал. Иза успокаивалась и засыпала.

Потом мамы не стало. Иза так никогда и не смогла примириться с этим. Она сама нашла ее однажды утром в спальне. Мама не двигалась и не дышала. Иза долго стояла и смотрела на нее – она никак не могла поверить, что это ее мама. Ей казалось, мама куда-то ушла, оставив в кровати восковую куклу, очень похожую на нее. Она так и сказала встретившейся ей во дворе молочнице:

– Мама ушла. Совсем ушла.

Та почему-то заохала, выронила трехлитровую банку с молоком и попыталась увести Изу. Она что-то говорила об одетом задом на перед платье... даже шутила... Смешная молочница! Иза стояла и смотрела, как осколки банки разлетаются во все стороны, как белые струи молока растекаются по поверхности плиток дорожки, скапливаются в щелях и исчезают... Смешная молочница... Она не понимала, что мама просто ушла... И Иза, кажется, даже знала, куда. Ее забрала та самая страшная комната.

Потом были похороны. Все плакали, кидали в могилу комья земли. Иза подошла к краю, и ей показалось, что кто-то окликнул ее сверху. Она подняла глаза, и все закружилось – сосны внезапно стали такими большими-большими, они угрожающе нависли над девочкой. Она зажмурилась, а когда открыла глаза, увидела над собой встревоженные лица: молочница, соседка, что приводила к маме своего племянника. Он хотел поступить в консерваторию, и мама подолгу занималась с ним. Тетя Катя... с ее дочерью Иза часто бегала в лес за грибами. Папа... Девочка попыталась вскочить, но отец удержал ее, положив на плечо большую теплую ладонь.

– Лежи, лежи, – проговорил он. – У тебя закружилась голова. Так бывает. Сейчас все пройдет.

Иза схватила его за руку.

– Мама ушла? – с тревогой спросила она.

– Ушла, Бельчонок, ушла...

Ей показалось, что папа как-то быстро состарился. Только вчера он был таким веселым и шумным, они все вместе возились в саду, бегали на озеро: Иза, папа и мама... Ах, да! Мама ушла... Девочка потерла лоб.

Соседки о чем-то шептались, поглядывая на нее. До нее долетали отдельные слова:

– ...бедное дитя...

– истинно святой человек...

– ...талантливая... добрая...

– ...ах, Карина Тиграновна...

– ... как тут умом-то не тронешься...

И вот Иза выросла. Выросла, но продолжала бояться странную комнату. Иногда, когда дверь комнаты была приоткрыта, ей казалось, что кто-то смотрит на нее из темноты. По спине пробегал холодок, и хотелось бежать прочь, все быстрее и быстрее, но ноги не слушались. Хотелось плакать и кричать, но она уже была достаточно большой, чтобы звать маму. Да и мамы уже не было... Иза зажмурилась, взяв себя в руки, твердой походкой подходила к двери и плотно закрывала ее. Порой ей казалось, что она слышала чей-то тяжелый вздох, но знала: это лишь движение воздуха.

Вот и сейчас она ощутила на себе чей-то напряженный взгляд и почувствовала знакомое оцепенение. Надо взять себя в руки, подойти и закрыть эту дверь. Закрыть ее навсегда! Больше она никогда не увидит ее! Никогда не узнает, что скрывает эта странная комната...

Изабелла собралась с силами, подошла к двери и крепко ухватилась за ручку. Внезапно, неожиданно для самой себя, она, вместо того, чтобы плотно закрыть дверь, распахнула ее и шагнула в темноту.

Дверь медленно и тихо закрылась за ее спиной. Девушка стояла в кромешной тьме и ощущала, как страх постепенно сковывает ее по рукам и ногам. Вот он уже добрался до самого горла, и теперь она, даже если бы и очень захотела, не смогла бы произнести ни звука. Тьма казалась живой и плотной, и что-то жуткое и опасное неумолимо собиралось позади нее. Она уже чувствовала чье-то холодное дыхание на своей шее и с ужасом ждала, что кто-то или что-то вот-вот коснется ее плеча. Боясь обернуться, она стояла еле жива.

Внезапно в комнате начало светлеть. Через несколько секунд Изабелла уже четко видела лучи света, пробивающиеся сквозь щели нижнего шкафа буфета. Дверцы распахнулись, и яркий резкий свет, ворвавшись во мрак комнаты, ослепил ее. Она зажмурилась.

– Добро пожаловать домой, дорогая! – услышала она такой знакомый, такой родной голос.

– Мама!..

Изабелла резко открыла глаза и тут же вновь зажмурилась: нет не от яркого солнца, которое беззаботно сияло на чистом, без единого облачка небе (и это в Подмосковье в самом начале лета!) – прямо перед собой она увидела огромную чешуйчатую морду.

Тысяча мыслей пролетели у нее в голове: "Я сплю!.. Я умерла и попала в Ад!.. Я лежу в коме и мне мерещатся всякие ужасы! С чего это вдруг мне умирать?! Или впадать в кому?! Как я могла ни с того, ни с сего уснуть по среди дня? Меня убили..."

Она не успела додумать ни одной из этих мыслей до конца, кто-то нежно коснулся ее волос и тихо прошептал на ухо те самые слова, что знали только она и мама:

– Ты и я, и вместе мы – сила! Вместе мы всех одолеем и никому не сдадимся!

Изабелла приоткрыла один глаз, затем второй и, закричав от радости, повисла на шее у матери. Да-да! Это была ее мама. Ее самая любимая, самая родная, самая замечательная мама! И ничего, что она была как-то странно одета: облегающий тело красный кожаный комбинезон, высокие ботфорты, длинные, выше локтей перчатки. Мама сняла одну из них и погладила дочь по голове.

Когда первые восторги от встречи прошли, Изабелла изумленно огляделась по сторонам. То место, где они находились, даже отдаленно не напоминало Подмосковье. Скорее каким-то невероятным образом она очутилась где-то на Кавказе или еще дальше: в Гималаях или Кордельерах каких-нибудь. В любом случае, это были горы. Они были повсюду, насколько хватало глаз: большие и маленькие, голые неприступные скалы и поросшее лесом вершины. Они с мамой стояли на горном плато, щедро заросшем густой травой.

– Значит, я все-таки умерла? Сюда попадают люди после смерти? – заглядывая в глаза маме, тихо проговорила Изабелла. – Ведь и ты тоже...

– Нет, детка, нет! И ты, и я – мы вернулись домой! Мы с тобой принадлежим этому миру!

– Этому миру... Какому миру?

– Тому, где я родилась и где должна была всегда жить. Быть тем, кто я есть...

– Кто ты есть... Ты – моя мама! Мама! Ты понимаешь?

– Да, детка, да! Именно поэтому я так долго жила в том мире, где родила тебя...

– Долго?! Ты... ушла, когда я была еще маленькой! Еще ребенком! Ты оставила меня!

Ты... умерла!

Изабелла сама испугалась этого слова. Никогда она не произносила его вслух. Это она однажды солнечным летним утром обнаружила маму мертвой в загородном доме. Это она потеряла сознание, когда гроб опускали в могилу. Это она сидела во главе стола вместе с отцом, а все родные и знакомые говорили о том, каким хорошим человеком была ее мама. Но даже после всего этого, говоря о маме, она упрямо твердила: "Ушла..." и вот теперь...

– Прости меня... если сможешь... Я больше не могла оставаться там и не могла взять тебя с собой. Переход в иной мир до совершеннолетия для таких, как мы, чреват разными опасностями, болезнями, травмами... Ты родилась в том мире и должна была стать взрослой, прежде

чем посетить мой мир, – мама смахнула слезу и поцеловала дочь в лоб. Изабелла прижалась к ее плечу и крепко обхватила ее обеими руками. Ей хотелось стоять вот так, всю вечность и никогда-никогда не расставаться с мамой. Без разницы в каком мире это будет. Даже если она сама умерла, даже если она лежит где-то в коме, и все это ей только мерещится. Может, это как раз и есть любовь?

– Перестань думать о смерти и коме! – неожиданно сказала мама.

– Ты, что, читаешь мои мысли? – Изабелла удивленно уставилась на нее.

Мама немного смутилась.

– Тебе предстоит многому научиться, – сказала она. – Много узнать. Если ты решишь здесь остаться...

– Значит, я могу вернуться? – обрадовалась Изабелла.

– Да, – грустно и просто ответила мама.

– Павел, наверное, меня убьет! – заволновалась Изабелла. – Ведь теперь мы уже, наверняка, опоздали на самолет.

– Даже если ты задержишься здесь еще немного, он этого не заметит, – улыбнулась мама. – Время здесь и там идет по-разному. Но ты можешь остаться здесь навсегда, – она серьезнела, повернулась к дочери и обхватила ее ладони своими руками. – И... если ты решишь остаться здесь, тебе лучше будет умереть для того мира.

– Это как?! – Изабелла так и подпрыгнула на месте.

– Да, ничего особенного, – махнула рукой мама. – Подбросим в дом морок. Неожиданный разрыв сердца, или тромб, или... Что бы ты хотела?

Изабелла отпрянула от нее она села на землю, обхватила руками колени и зарылась в них лицом. "Вот, значит, как! Вот как! Все, значит, будут там плакать, говорить, каким хорошим человеком я была..." "Можешь просто исчезнуть, тогда, боюсь, у твоего Павла будут большие неприятности", – услышала она у себя в голове мамин голос.

– Прекрати! Прекрати лезть ко мне в голову! – что было сил закричала Изабелла, почувствовав, как комок подкатывает к горлу, и слезы буквально фонтаном начинают брызгать из глаз. – Ты даже представить не можешь, как мне было плохо, как плохо! Как мне не хватало тебя все эти годы! А ты... морок... Все это время...

Она чуть не задохнулась и закрыла лицо руками.

Мама опустилась рядом, обняла ее за плечи, та сначала дернулась, но потом позволила маме уложить себя ей на колени, прижалась к ней.

– Мне было очень плохо, – пожаловалась она.

– Знаю, – вздохнула мама. – Я приглядывала за тобой и пыталась тебе помогать... Но ты такая непослушная! – притворно рассердилась она.

– Если бы я знала, что это ты, – вздохнула Изабелла, – я бы только тебя и слушала.

– Зато ты научилась мыслить самостоятельно и самостоятельно принимать решения, – улыбнулась мама. – Ты стала взрослой... Может полетаем? – неожиданно предложила она.

– Т-т-то есть, как это "полетаем"? – от удивления Изабелла начала заикаться. Она выпрямилась и круглыми, огромными, словно мельничные жернова, глазами смотрела на свою маму.

– А вот так! – весело воскликнула та. Она ловко вскочила с места и, разбежавшись, лихо кинулась вниз.

– Мама! – что было сил закричала Изабелла и бросилась к обрыву.

Огромный красный дракон, набирая высоту, чуть не задел ее своим длинным чешуйчатым хвостом. Он поднялся высоко в воздух, сделал круг над ее головой и плавно опустился неподалеку. Девушка во все глаза смотрела на него, но все же упустила тот момент, когда он внезапно вновь стал ее мамой.

– Эт-т-то что? Эт-т-то... как?! – растерянно хлопая глазами и продолжая заикаться, еле слышно пролепетала Изабелла.

– Я – дракон, детка, – просто сказала мама. – Как и ты...

– Я?! – Изабелла чуть не задохнулась от изумления.

– Вспомни, ты рассказывала мне о своих снах. Во сне ты летала...

– Все дети летают во сне, говорят, что они так растут, – буркнула Изабелла.

Мама рассмеялась:

– Сны снам рознь, как и полеты. Сны о твоих полетах были мне хорошо знакомы! Ну же, детка! – она протянула ей руку.

Изабелла неуверенно сделала один шаг, второй, затем решившись, подбежала к маме и схватила ее за руку. Они вместе разбежались и...

Она даже не поняла, что произошло, но вот уже могучие ярко желтые крылья несли ее ввысь к такому же яркому желтому солнечному диску. Она с недоумением некоторое время разглядывала свои огромные когтистые лапы и даже попыталась взглянуть на свой длинный хвост. Но тут же словно волчок заветрелась в воздухе и едва не вошла в штопор.

"Осторожно! – услышала она в своей голове голос мамы. – Хвост нужен для балансировки полета. На земле у тебя будет масса времени разглядеть себя во всей красе".

Они летели над заснеженными пиками гор, где в подобных медвежьим берлогах жили удивительные создания – Йети. Они умели по своему желанию в любом месте пересекать грань миров, что породило множество споров и раздоров в мире, который Иза долгое время считала своим. Они пролетали над скалистыми горами – местом обиталища злобных троллей, над горными шахтами, в которых трудились неутомимые гномы, над лесами, населенными прекрасными эльфами, шkodливыми пикси и заботливыми зелеными дамами. Тритоны и русалки махали им из морских глубин, а озерные девы – Гуарагед Аннон – танцевали на озерной глади, как на паркете, посылая им вслед воздушные поцелуи. Этот мир был необычен и прекрасен. Чувство полета было упоительным. И, хотя Иза понимала, что не все может быть так гладко и прекрасно в этом новом мире, как казалось ей с высоты, что всегда, в любом чистом потоке могут обнаружиться острые подводные камни, этот мир все больше и больше нравился ей, становился все ближе и ближе. Ей казалось, что она вспоминает места, над которыми пролетала – генетическая память, как сказала мама. Она все больше и больше чувствовала себя дома, как будто вернулась из далекого путешествия или очнулась от долгой комы.

– Это дочь профессора Драгунского! Скажите своему главврачу! Он, наверняка, знает его. Это дочь самого Драгунского...

Двое охранников вытолкали Павла за дверь, и он остался в зале ожидания приемного покоя, шокированный и растерянный. Дежурная приемного отделения подала ему стакан воды.

– Да что ты, сердечный, – довольно равнодушно проговорила она – за свои долгие годы работы в приемном покое она уже столько повидала. – Все будет хорошо. У нас очень хорошие, знающие доктора. И никакой профессор не нужен. Сядь, успокойся. А лучше иди домой. Позвонишь потом, все тебе скажут.

Павел отрицательно помотал головой и опустился в неудобное деревянное кресло. От его помощи тоже отказались. У них хватало своих врачей. Он не настаивал. Да и чем он мог им помочь? Это явно был не его случай – он врач-инфекционист. Собирался ехать в Африку, изучать экзотические болезни, лечить местное население... А вот теперь... Он поймал себя на мысли, что больше думает о том, что теперь поездка в Африку накрылась, а не о том, что случилось с Изабеллой.

"Неужели ты ее совсем не любишь? – в очередной раз спросил он себя. – Неужели она для тебя лишь шанс подняться по карьерной лестнице?"

Ему стало стыдно. Он оперся локтями в колени и закрыл лицо руками. Он никогда не был таким. Что с ним стало? С тех пор как его кумир, профессор Эммануил Леонидович Драгунский, сказал ему, что он не сможет быть хорошим врачом, если не научится принимать

ответственные решения, не научиться рисковать... И, хотя он признался, что все равно уважает его, как старательного студента и интерна, Павел чувствовал себя мальчишкой, которому дали леденец, вместо того, чтобы взять с собой в поход. Он не мог думать ни о чем другом кроме того, как доказать, что он не только может быть хорошим врачом, что он и есть хороший врач. Однако, когда в клинике объявили конкурс на поездку в Африку, он не подал заявление. Внезапно он засомневался в собственных силах. "А вдруг что-то пойдет не так?, – подумал он. – Вдруг там, в Африке, он не сможет доказать всем, чего он стоит?" Но оказалось Эммануил Леонидович сам предоставил необходимые справки, собрал его статьи и исследования. Затем было объявлено, что в дипмиссию возьмут только женатых специалистов, и вновь профессор пришел на помощь любимому студенту. Он предложил ему познакомиться с его дочерью. Вот тут Павел струсил по-настоящему. В голове заметались всякие абсурдные мысли вплоть до того, что у профессора уродливая дочь, и он специально привечал Павла, чтобы сбавить ее замуж. С трясущимися ногами шел он на первую встречу с нею, но ничего не смог придумать, чтобы этого избежать.

Двери лифта разъехались. Где-то вдалеке, за закрытой дверью одной из квартир звучало фортепьяно. Павел почувствовал, что очарован нежными манящими звуками неизвестной мелодии. Он вспомнил, что когда-то слышал ее... Но когда?.. Не совсем понимая, что он делает, как под гипнозом, он пошел на эти звуки, желая понять, откуда эта прекрасная музыка. Мелодия становилась все громче, и тут он с удивлением сообразил, что звуки доносятся из-за той самой двери, которую, достав ключи, отпирает профессор. Тот с заговорщицким видом подмигнул Павлу и приложил палец к губам. Оба буквально на цыпочках вошли внутрь и остановились на пороге просторной гостиной. В глубине ее за роялем сидела девушка. Несколько секунд она продолжала играть, и Павел, замороженный музыкой, а еще больше прекрасным, чувственным исполнением не замечал ничего вокруг, а лишь слушал, слушал, слушал...

Внезапно мелодия оборвалась, и девушка резко обернулась к ним. Волна черных густых волос взметнулась вверх и растеклась по хрупким покатым плечам. Два ярко зеленых глаза сердито прищурились, тонкие черные брови нахмурились, но где-то в самой глубине этих бездонных глаз Павел разглядел притаившиеся озорные искорки, готовые вот-вот взорваться салютом веселья.

– Разве вы не знаете, что подкрадываться и подслушивать нехорошо? – спросила девушка строгим голосом, но видно было, что она покусывает свою пухлую нижнюю губку не от злости, а из боязни рассмеяться.

– Как дела у моей Агрерих Марты Археич? – смущенно проговорил профессор.

– Не называй меня так... – вставая из-за инструмента, сказала девушка, и Павел разочарованно отметил, как погасли огоньки в глубине ее изумрудных глаз, и даже немного рассердился на профессора за то, что тот обидел ее.

– Она – великая пианистка, а я... так...

Профессор рассказывал, что его жена была преподавателем музыки, а их дочь подавала большие надежды. В десять лет она уже играла с большим симфоническим оркестром московской консерватории, но после смерти матери категорически отказалась от карьеры пианистки.

Павлу показалось, что вместо огоньков в глубине глаз девушки заблестели слезы, пытаясь справиться с неожиданно захлестнувшими ее эмоциями, дочь профессора вновь притворно нахмурилась.

– Ты привел гостя и держишь его на пороге. Что он о нас подумает? – снова, будто бы сердито, проговорила она.

Эммануил Леонидович то ли и вправду смутился, то ли решил подыграть дочери.

– Да-да-да, – скороговоркой пробормотал он. – Вот, милая, познакомься... – и он толкнул Павла вперед. – Будущее светило отечественной медицины. Мой лучший студент.

Павел, не ожидавший такой подлой выходки от своего профессора, вылетел на середину комнаты и оказался совсем рядом с девушкой. Она была стройной и хрупкой, поэтому издалека показалась ему высокой, но сейчас обнаружилось, что ее лоб находится на уровне его подбородка. Девушка подняла глаза, и в их отражении будущий светила отечественной медицины увидел свое ошарашенное лицо с растрепанными волосами и совершенно безумными глазами. Она улыбнулась, и он понял, что готов провалиться на следующий этаж и лететь еще ниже и ниже, пока не застрянет где-то между подвалом этой сталинской шестизэтажки и адом.

– Здравствуйте, – растерянно пролепетал он. – Павел...

– Изабелла, – продолжая улыбаться, сказала она и протянула ему свою тонкую руку с изящными, длинными пальцами. Он уже собирался пожать ее, когда воспоминание о профессорской любви к литературе девятнадцатого века и разным словечкам и повадкам великосветских салонов (за что студенты за глаза звали Эммануила Леонидовича доктором Чеховым) вспыхнуло в его голове, он степенно наклонился и коснулся губами мягкой нежной кожи. "Осталось еще стукнуть каблуками!" – с издевкой над собой подумал он. Сзади послышался смешок профессора, а Изабелла уже и вовсе не скрывала своего веселья.

– Не знала, что отец кроме всего прочего читает вам лекции по истории светского этикета, – засмеялась она.

– Бельчонок, – пришел на выручку Эммануил Леонидович. – Не организуешь ли нам чайку?

Изабелла выскользнула в коридор, одарив на прощанье Павла озорной усмешкой своих зеленых глаз.

– Эммануил Леонидович... Профессор...

Павел бросился к учителю. Ему нужно было столько всего сказать ему: и что все это изначально было глупой затеей, и что тому совершенно не нужно знакомить дочь с Павлом – с такой внешностью она без труда найдет себе более достойного кандидата в мужа, и что Павел, вообще, не собирается в ближайшее время жениться... даже ради поездки в Африку, и что видал он эту Африку... Взгляд профессора остановил его.

– Я вовсе не неволю вас, батенька, – в своей любимой манере проговорил профессор. – Я просто хотел, чтобы вы познакомились. Что в этом такого? Окончательное решение по формированию дипмиссии будет принято лишь через полгода. Что плохого в том, что эти полгода вы будете просто знакомым моей дочери?

Хлопок входной двери прервал его воспоминания. Профессор! Он шел к нему большими шагами, и Павел вскочил ему навстречу.

– Эммануил Леонидович...

– Я предупреждал вас, молодой человек, что ее немедленно надо увезти из Москвы? – не дав ему договорить, сердито сказал профессор.

– Мы уже ехали в аэропорт... – начал было Павел, но профессор снова прервал его:

– Вы никуда не заезжали по дороге?

– Она захотела проститься со своим загородным домом... Сказала, что больше может не увидеть его... – пролепетал Павел.

– Это случилось в том доме? – резко спросил Эммануил Леонидович. Павла весьма удивил резкий тон профессора, но он продолжал оправдываться:

– Она только на минуту поднялась наверх...

Эммануил Леонидович упал в деревянное кресло и закрыл руками лицо, что-то отчаянно шепча себе под нос, Павел как ни старался не смог разобрать ни слова. Наконец профессор выпрямился и посмотрел Павлу в глаза.

– Это моя вина, – тихо сказал он. – Я должен был предупредить тебя, Паша, чтобы вы ни в коем случае не ездили в тот дом.

– А что такое? Там утечка газа? Какой-то сильный аллерген? – обеспокоено зачастил Павел. – Вы должны немедленно сообщить об этом врачу...

– Какое сегодня число? – неожиданно спросил профессор.

– Седьмое июня... – Павел понял, что окончательно ничего не понимает. – При чем тут это, профессор?! Ваша дочь умирает! Вы понимаете? Она при смерти, и никто не знает, что с ней произошло... в чем причина... Как ее лечить... А вас интересует какое сегодня число?!

Он подумал, что профессор потерял рассудок от горя. Тут тот вскочил, схватил его за руку и поволок к выходу, что еще больше укрепило Павла в мысли, что у старика, что называется "снесло башню". По дороге "доктор Чехов", вообще, нес сушную околесицу.

– Прекратите истерику! – шипел он. – Я знаю, что делаю. Здесь у нас всего две недели...

– Две недели? Где "здесь"? – пытался добиться хоть какой-то ясности Павел, семена следом за своим преподавателем. – Две недели для чего? Что случится через две недели? Ваша дочь там! – он махнул в сторону дверей стремительного удаляющегося приемного отделения больницы. – Профессор... Вы же, наверняка, можете подняться вверх... поговорить с врачами...

– Ах, оставьте, батенька! – прикрикнул на него профессор, заталкивая Павла в его собственный автомобиль. – Я лучше вас знаю, где моя дочь и что нужно делать, чтобы помочь ей.

Глава 2. Иной мир.

Последнее, что помнил Павел, это чей-то тяжелый пристальный взгляд и приказ: "Ступай!" После этого все было, как в тумане. А потом яркая вспышка света, и вот он стоит где-то в горах, на продуваемом всеми ветрами горном плато, а рядом с ним его профессор и по совместительству, что, возможно, еще вполне вероятно, будущий тесть Эммануил Леонидович. Павел растерянно огляделся по сторонам.

– Это как?.. Это что?.. Где мы?.. – не особенно надеясь на какой-либо внятный ответ пробормотал он. Потом, как озарение, до него дошло: он спит! И весь этот кошмар с внезапной комой Изабеллы, бредовый рассказ Эммануила об ином мире, из которого, якобы, надо вернуть Изабеллу до конца дня летнего солнцестояния... Приезд какого-то странного бомжа с маленькой лохматой собачонкой... – все это только приснилось ему! Он вспомнил, как, приехав в загородный дом профессора и выслушав всю эту ахинею, потихоньку вызвал Валерку, который подрабатывал на скорой в психиатрическом отделении. Возможно, его санитары что-то там перепутали, или сам Валерка решил перестраховаться, и Павлу тоже вкатили хорошую дозу успокоительного. И он все еще спит!

Павел радостно улыбнулся и с вызовом посмотрел на Эммануила Леонидовича: "Что дальше?"

Дальнейшие действия Эммануила не заставили себя ждать, но очень удивили Павла: заметив его посветлевший взгляд, профессор, не долго думая, подошел к нему и, что было силы, с выворотом ущипнул его за тыльную сторону ладони. Павел взвыл то ли от боли, то ли от неожиданности и с негодованием кинулся на своего кумира.

– Вы в своем уме?! – сжав кулаки и яростно наступая на него, закричал он.

– Э-э-э! Потихе! – прикрываясь руками, проговорил профессор. – Немедленно успокойся и дай мне все объяснить! – потребовал он.

Но разозлившегося Павла не так-то легко было остановить.

– Да что?! Что вы собираетесь мне объяснять, дорогой Эммануил Леонидович? – размахивая кулаками и брызгая слюной, продолжал кричать Павел, атакуя профессора. – Что?! Расскажите очередную сказочку?! Я не верю ни единому вашему слову! Ни единому!!! Слышите? Я – врач, и прекрасно понимаю, что вы одурманили меня чем-то, притащили в это странное место... – он осекся. Место на самом деле было не просто странным, а странным до дрожи в коленях, до радужных кругов в глазах...

– Все сказал? – спокойно проговорил Эммануил Леонидович.

– Все, – буркнул Павел, стараясь не смотреть учителю в глаза: он начинал испытывать стыд за свой неконтролируемый порыв гнева.

– Ну-с, молодой человек, надеюсь вы теперь понимаете, почему я не рекомендовал вам заниматься хирургией? – проговорил профессор, как будто находился не высоко в каких-то неведомых горах, а на родной кафедре в Медицинской Академии. – У вас твердая рука и верный глаз, но вы слишком импульсивны. Слишком подвержены эмоциям, а для настоящего врача, в том числе и для врача вашей специальности, это недопустимо. Вы согласны со мной?

Павел сдержанно кивнул, стараясь смотреть в землю. Ему казалось, что, если он сейчас поднимет глаза, то окажется, что он стоит в одной из аудиторий Академии, а профессор, стоя у доски выговаривает ему за какой-то промах, допущенный им во время стажировки в городской больнице. А трава... Ну что трава! Может быть, кто-то разбил цветочный горшок?.. Профессор, меж тем, все тем же совершенно бесстрастным тоном, каким читал лекции по своему предмету, продолжал:

– А теперь все-таки послушай меня, Паша. Мне совершенно нет никакого резона обманывать тебя, опаивать чем-то и тащить куда-то. Ты что – сын олигарха?

Павел все-таки осмелился поднять голову и теперь с тоской смотрел в ярко синее небо и угрюмо молчал. Эммануил Леонидович продолжал свою лекцию:

– А я, смею заметить, не какой-нибудь больной на всю голову криминальный элемент, решивший подзаработать на твоём похищении.

Павел непроизвольно фыркнул, представив себе профессора в балаклаве с прорезями для глаз и огромным парабеллумом на поясе. Размеренный голос профессора вновь вернул его на грешную землю.

– ... моя дочь в опасности, а я, по твоей логике, занимаюсь исключительно тобой! Развлекаюсь тем, что дурачу тебя! Так, по-твоему?

Павел с завидным упорством продолжал изучать небесный простор, но каждая новая фраза Эммануила Леонидовича больно била по его самолюбию – профессор во многом был прав! Павел искоса посмотрел на учителя и внезапно за его спиной увидел ряд каких-то темных точек, приближающихся к ним. Они были еще довольно далеко, и Павел не мог с уверенностью сказать, что это. Самолеты? Может быть, просто птицы?.. Эммануил Леонидович перехватил его взгляд и повернулся.

– Повторю еще раз: все, что я тебе рассказал – чистая правда, – быстро проговорил он. – Верить ты этому или нет – уже не важно. Сейчас у нас будут гости... Хотя нет. Хозяева, и вы, батенька, сможете в полной мере насладиться, так сказать, "гостеприимством" моего мира.

Павел обеспокоенно посмотрел на профессора.

– Хозяева? Какие хозяева?.. Что еще за...

Он осекся. Темные точки приближались с немыслимой быстротой, и он уже ясно видел огромные кожистые крылья, рассекающие воздух. Большая темная тень накрыла их. От внезапной яркой вспышки света Павел прикрыл глаза, но, почувствовав нестерпимый жар, тут же открыл их. Трава вокруг него пылала. Эммануил Леонидович толкнул его в сторону небольшой пещеры, а сам резко выкинув вперед руку пробормотал что-то вроде "алаказам" или "малазакам" или еще какую-то несусветную белиберду, и из руки его вылетел огненный шар. Павел уже совсем ничего не понимал. В ужасе он сорвал с себя дорогую кожаную куртку и начал тушить полыхающую траву. Профессор отступил на несколько шагов назад, подхватил Павла и со словами: "Не занимайтесь ерундой, молодой человек!" (даже в таких обстоятельствах он оставался профессором), увлек его в глубь пещеры, которая на поверку оказалась лишь небольшим вытянутым в длину гротом.

– Я еще довольно слаб, чтобы противостоять им, – поспешил объяснить он причину их бегства с места сражения и тихо пробормотал, как будто обращался к самому себе:

– Интересно бы узнать, кто предупредил их о нашем прибытии – этот портал известен очень узкому кругу.

Потом, очевидно, вспомнив о Павле, снова обратился к нему:

– Мне, по всей вероятности, придется тебя здесь оставить, – сказал он и, предупреждая протест с его стороны, поднял руку. – Меня сейчас заберут. Объяснять причины некогда. Тебе, Паша, нужно будет самому добраться до дворца драконов. Запомни: Изабелла там, и ее нужно вернуть домой до окончания дня летнего солнцестояния. Здесь до него может быть и месяц, и всего несколько дней – не знаю в какой период времени мы попали...

Павел попытался что-то сказать, но профессор поспешно перебил его.

– Главное привести ее сюда. На это место. Она все сделает сама – все-таки моя дочь! – не без гордости проговорил он. – Последние силы я потрачу на твою невидимость и сокрытие мыслей. Все это скоро пройдет, но не подведи меня: кто бы ни вошел в эту пещеру, не шевелись и даже дышать старайся через раз – у драконов очень тонкое обоняние, как у собак...

– Именем великого дракона, правителя мира требую, чтобы ты, Эммилен – вор и предатель, немедленно вышел из укрытия, иначе нам приказано испепелить тебя! – раздался громкий голос.

– Эммилен... вор... предатель... – в ужасе пробормотал Павел, но профессор поспешно прикрыл ему рот. Потом, проведя по его лицу ладонью, снова прошептал какую-то абракадабру и толкнул его в самый дальний угол пещеры. Здесь было довольно тесно, и Павлу пришлось встать на колени и опустить голову, чтобы хоть как-то поместиться в этом углу.

– Я выхожу! – крикнул профессор и повернулся к выходу из пещеры. Павел почувствовал, как волосы на его голове тихонько зашевелились, готовясь встать по стойке "смирно": в неровном проеме он увидел невысокого поджарого мужчину с длинными, до плеч черными волосами в хламиде, подвязанной тонкой веревкой, с большим капюшоном. Больше всего эта хламида напоминала одеяние монахов времен инквизиции. Он не успел подумать, когда его чуть полноватый, седой профессор, всегда одетый в безукоризненный костюм тройку, успел превратиться в этого странного человека, как в пещеру вошли двое высоких мужчин в облегающих черных комбинезонах, высоких сапогах и длинных до локтей перчатках. Они осветили каждый уголок пещеры факелами, но не увидели Павла, скрючившегося на полу в дальнем углу прямо напротив них. Они повели головой, как будто к чему-то принюхивались. Вспомнив слова профессора про драконье обоняние, Павел буквально перестал дышать – а вдруг у тех, что на них летают оно ничуть не хуже! Вошедшие переглянулись, еще раз принюхались, огляделись. Один из них буквально чуть не ткнул Павла факелом в бок, тот замер и даже зажмурил глаза.

Когда он почувствовал, что вот-вот задохнется, Павел открыл глаза и осторожно выдохнул – в пещере никого не было. Не в силах подняться на ноги, он наполовину выполз из пещеры и еще какое-то время лежал на пороге, вдыхая сладкий и ароматный горный воздух.

"Какое это все-таки счастье: дышать", – устало подумал он. Вытер выступивший на лбу пот и вдруг понял, что не видит собственную руку. Павел в ужасе вскочил посмотрел вниз: трава... пещера... камни... горы вокруг... Он все еще был невидим! "Ну и ладно, – как-то совсем безучастно подумал он, как будто это случилось вовсе не с ним, а с каким-то другим Павлом из сборника фэнтези или научной фантастики (Павел никогда не увлекался подобными жанрами и для него они были абсолютно едины) – Невидим – так невидим! Главное: жив! И теперь надо решить, что делать, чтобы и дальше оставаться живым... И помочь Изабелле..."

Павел вновь ощутил укол совести, потому что за все это время впервые вспомнил о ней. Конечно, их женитьба была всего лишь сделкой: ему надо было поехать в Африку, а ей надо было успокоить отца, которому во что бы то ни стало хотелось срочно выдать ее замуж... Но все-таки... что-то шевелилось в его душе, когда он думал о ней, что-то нежное и теплое. "Бед-

ная Изабелла, – с горечью подумал он. – Где бы она ни была, ей сейчас, наверняка, куда хуже, чем мне..."

Изабелла поверить не могла своим глазам. Кольца, браслеты, ожерелья, броши, серьги – все из полновесного белого, розового желтого золота с самыми разными самоцветными камнями... Она примерила очередную пару серег и с восхищением посмотрела на свое отражение в зеркале – чудо, как хороша! Эти изумруды были как раз под цвет ее глаз. Мама тихонько подошла сзади и надела ей на шею ожерелье, которое замечательно гармонировало с изумрудными сережками. Изабелла радостно засмеялась и, как маленькая, захлопала в ладоши. Она обняла маму. Теперь они обе отражались в этом большом также отделанном серебром, золотом и драгоценными камнями зеркале. Мама переделалась. Теперь на ней было красивое длинное платье из темно красного атласа, украшенное кружевами и расшитое золотыми нитями. Но и платье Изабеллы было ничуть не хуже: такое воздушное, изящное, нежно желтое, с глубоким вырезом и многочисленными воланами на юбке.

Изабелла с удовольствием отметила, что очень похожа на свою мать: такие же тонкие черты лица, аккуратно очерченные алые губы, прямой нос и огромные глаза, обрамленные длинными густыми ресницами, под изящно изогнутыми бровями. Единственное, что отличало их – это цвет глаз: глаза мамы были мягкие карие, а глаза Изабеллы – ярко зеленые, как у отца. И волосы у нее тоже были отцовские – черные, тогда как мама была рыжеволосой – огненный дракон, так назвала ее та странная очень красивая женщина, что встретила их на ступенях лестницы, когда они обе приземлились на широком дворе возле величественного дворца, вытесанного прямо в скале.

Мама Изабеллы тоже была красивой, но красота ее была спокойной, доброй, мягкой... Как сама мама. Красота же той женщины, что встретила их была яркой, кричащей – от нее сложно было отвести взгляд, но Изабелла поймала себя на мысли, что никогда не хотела бы походить на нее. Она выглядела очень молодой, немногим старше самой Изабеллы, но мама держалась с ней, как со своей подругой-ровесницей. Хотя и сама мама... Она ничуть не состарилась за эти десять лет! Была точно такой, какой Изабелла помнила ее... Возможно, это все чудеса волшебной страны? Может быть, и сама Изабелла навсегда останется молодой, если поселится здесь? А как же отец и... Павел?... Что-то кольнуло в сердце. Стало грустно и тоскливо как-то... Нехорошо получилось... А вдруг у него все-таки будут неприятности из-за ее исчезновения?

Мама, как обычно, услышала ее мысли и поцеловала в висок.

– Не волнуйся, родная! – она нежно погладила ее по плечу. – С ним все будет хорошо. Я тебе обещаю...

Изабелла недоверчиво посмотрела на нее через зеркало.

– Но как ты можешь знать? – удивилась она. – Он – там, а мы – здесь...

– Не волнуйся, – еще раз тихо повторила мама. Потом быстро повернула ее к себе, поправила ожерелье и неожиданно прижала к груди.

– Разве тебе плохо со мной? С твоей мамой? – быстро-быстро проговорила она. – Ведь нам было так плохо друг без друга... Мы обе скучали! Ты ведь сама сказала, что тебе очень не хватало меня!..

– Мне хорошо с тобой, – призналась Изабелла и поцеловала ее в ответ. – Но все это настолько неожиданно и странно... Я давно смирилась с тем, что тебя... нет... рядом...

– Но теперь я есть! – воскликнула мама. – И мы теперь всегда... всегда будем вместе!

– А как же отец? – спросила Изабелла, глядя ей прямо в глаза, и хотя она и не обладала даром читать мысли, но почувствовала, что этот вопрос причинил маме сильную боль. Мама ничего не сказала. Выпрямилась и отошла к окну.

– Как же отец? – повторила Изабелла. Она чувствовала боль матери, но еще она чувствовала и то, что если сейчас не получит ответы на все вопросы, что мучили ее с того момента, как она попала в этот мир, она не получит их никогда.

– Все очень сложно... – проговорила мама и отвернулась к окну. Изабелла заметила слезу у нее на щеке и подбежала к ней.

– Мамочка...

Она прижалась к ней, положив голову на плечо и, как тогда, на горе, была готова стоять так целую вечность, но сейчас ей нужны были ответы...

– Поговори со мной... – тихо попросила она. – Мне так нужно, чтобы ты мне все рассказала... про вас... папой... Ведь вы любили друг друга? Расскажи мне об этом! Я уже не маленькая девочка! Я все пойму! И... кроме того... мне самой нужно во многом разобраться... помоги мне!

Мама повернулась к ней. Изабелла не ошиблась: глаза ее были полны слез, они стекали по ее щекам и оставляли яркие пятна на атласе платья.

– Госпожа, Огненный Дракон! – шутливо нахмурилась Изабелла, вспомнив обращение красивой дамы. – Немедленно поведайте своей дочери, что у вас произошло, иначе ваше платье будет безнадежно испорчено!

Мама улыбнулась сквозь слезы. Изабелла быстренько принесла ей с туалетного столика платок, как маленькой вытерла слезы и нос. Мама благодарно улыбнулась. Они сели на кушетку под окном, и мама начала свой рассказ.

Король волшебной страны – Могущественный Дракон – устраивал грандиозный прием в честь помолвки своей дочери – несравненной Картерри – Огненного Дракона.

На бал были приглашены все, кто только мог добраться до дворца. То и дело подлетали колесницы, запряженные пегасами, аликорнами, грифонами и прочими летающими созданиями, которые освободившись от своих узд тоже становились гостями. Из колесниц выходили тролли, гномы, Йети, пикси, Зеленые Дамы со своими многочисленными помощницами, озерные девы со своими человеческими мужьями, выносили бассейны с русалками и тритонами. То и дело раздавались хлопки порталов, из которых появлялись ведьмы и колдуны. Эльфы прилетали самостоятельно, жалуясь на дальность перелета и силу ветра на подлете ко дворцу.

Сам Могущественный Дракон встречал гостей, стоя на ступенях широкой мраморной лестницы, ведущей к главному входу дворца. Здесь же приветствовали гостей и все остальные драконы: те, что жили в драконьих горах и те, что прибыли на праздник из дальних уголков волшебного мира. Не было только виновницы торжества и ее жениха – сына начальника королевской стражи отважного Ольгернона. Впрочем, многие думали, что так и надо – они появятся к моменту начала поздравлений.

Однако никто не догадывался, что сам король – Могущественный Дракон – был обеспокоен. Поведение дочери в последнее время весьма удручало его королевское Величество: она подолгу пропадала неизвестно где, была задумчива и печальна. Когда-то они были очень дружны с Ольгерноном, поэтому никто не сомневался, что их детская дружба постепенно перерастет в брак. Но сейчас король не был уверен в том, хочет ли Картерри замуж за Ольгернона или просто готова покорно исполнить волю своего отца. Конечно, это не имело особого значения – интересы продолжения рода были превыше всего, но, все-таки, это была его дочь...

Король – надежда и опора всех своих поданных, призван поддерживать мир и покой, вершить справедливый суд и заботиться о своем потомстве, дабы обеспечить эти самые мир, покой и справедливый суд! А как тут заботиться, если поголовье драконов тает буквально на глазах: у каждой пары успевают родиться лишь один малыш, и в родах матери гибнут... Та же участь ждет и его дочь! Его ненаглядную Картерри... Но зато останется внук, который займет его трон... или внучка... она найдет достойного преемника среди драконов и родит правнука...

Говорят, правда, что некоторые драконы, из-за нехватки девиц своего вида, позволяют себе якшаться с другими видами, но что-то никто еще не встречал ни одного дракона, родившегося от такого брака!

Невеселые мысли короля не мешали ему исправно исполнять свои обязанности: уважительно и любезно приветствовать гостей, почтивших его дом своим визитом. Внезапно он заметил, что среди гостей замелькали черные комбинезоны.

– Ваше Величество, – услышал он в своей голове голос начальника королевской стражи.

Король отыскал его глазами среди стражей дворца. Всегда такой бесстрастный и невозмутимый Ольгергард был бледен и явно чем-то взволнован.

– Простите, что прерываю церемонию встречи гостей, – на расстоянии поклонился ему начальник королевской стражи. – Но неотложное дело заставляет меня немедленно просить Вашего внимания.

Король кивнул главному церемониймейстеру, чтобы занял его место и тут же последовал во внутренний двор замка, куда минутой ранее отправился Ольгергард.

Едва он вошел туда, скрывшись от всех обитателей дворца и гостей, Ольгергард неожиданно упал перед ним на одно колено и протянул ему свой меч.

– Мне легче будет принять смерть от Вашей руки, – склонив голову, проговорил он, – чем сообщить новость, которую я принес.

Сердце Могущественного Дракона ёкнуло – недаром какое-то грустное предчувствие терзало его весь этот день, но ни один мускул не дрогнул на его благородном лице.

– Встань, мой друг, – спокойно проговорил он. – И поведай мне, что заставило тебя произнести такие слова?

Ольгергард остался стоять на колене, лишь только поднял глаза на своего повелителя.

– Наши неблагодарные дети... – он осекся. Каждое слово давалось ему с большим трудом. – Я хотел сказать, о, мой повелитель, мой неблагодарный сын и Ваша дочь...

Король продолжал смотреть на него с терпением и спокойствием, но внутри у него уже все бурлило и кипело от беспокойства и злобы – если бы не его положение и статус, он схватил бы Ольгергарда за шиворот и немедленно вытряс из него все, что тот хотел сказать.

Ольгергард давно знал своего короля, поэтому почувствовал его состояние и не стал дальше оттягивать неизбежное.

– Они сбежали, – выпалил он на одном дыхании и снова опустил голову.

Король облегченно вздохнул – он ожидал куда более худшего поворота событий.

– Ну, что ж, – почти радостно проговорил он. – Им не захотелось присутствовать на собственном празднике – отпразднуем без них!..

Он хотел еще что-то сказать, но взгляд Ольгергарда заставил его замолчать.

– Ты ведь хочешь сообщить мне что-то еще? – очень тихо проговорил он, пристально глядя в глаза своего друга.

Ольгергард не смог произнести этого вслух, он попросту снял блокировку и позволил повелителю прочесть свои мысли. Могущественный дракон взвыл от боли и гнева. Его рык услышали и в тронном зале, где уже собралось море гостей, и на мраморной лестнице – каждый в королевстве понял, что случилось что-то ужасное.

– Я уже распорядился послать за ними погоню, – поспешно сказал Ольгергард. – Своих лучших из лучших...

Король тяжело оперся о стену дворца. Сердце его бешено стучало в груди, в глазах потемнело. Прибежавшие по мысленному приказу Ольгергарда стражники подхватили короля и отнесли во дворец.

– С того самого дня мой отец не поднимался с постели, – продолжала свой рассказ мать Изабеллы. – В королевстве начались волнения. Многие стали роптать, что король уже не тот

– он не сможет поддерживать в нашем мире существующее равновесие, не сможет защитить тех, кто будет нуждаться в защите, суд его не может быть больше справедливым и честным... И виной тому была я... – она замолчала.

– И поэтому ты вернулась? – спросила Изабелла, хотя в голове у нее вертелся совсем другой вопрос. Мама услышала его.

– Нет! – рассмеялась она и обняла свою глупышку-дочь. – Я не вышла замуж за Ольгернона! Ведь он был влюблен в озерную деву! Мы выросли вместе и всегда дружили, но я полюбила твоего отца... В тот день мы с Ольгерноном признались друг другу в том, что не можем быть вместе и вместе бежали к своим любимым. Ольгернон и сейчас живет где-то на дне озера... прячется от гнева своего отца. Драконы изгнали его, а озерные девы приняли – их законы не столь суровы. Мой отец запретил преследовать его на их территории. Ходят слухи, что озерная дева родила водного дракончика – он не умеет летать, зато плавает, как рыба. Кто знает!.. – она улыбнулась.

– Тогда... почему ты здесь? – спросила Изабелла. – За столько лет твоего отца вполне могли успеть сместить или...

Мама замахала на нее руками:

– Что ты говоришь такое! Даже думать так не смей! Пока к власти не пришли драконы, волшебный мир сотрясали страшные войны, исчезли целые виды магических существ, остальные жили в страхе. Кругом были разруха, голод, болезни и нищета. Даже источники магии, что питают наш мир, были истощены! Власть драконов – благо для нашего мира, и пока будет жив мой отец...

– Так твой отец все-таки жив? – искренне удивилась Изабелла. – И все еще правит этим миром?

Картерри рассмеялась и прижала к себе дочь.

– Прости, я постоянно забываю, что с тобой надо говорить, а в голове у тебя такой хаос – сто тысяч и одна мысль в минуту! – пошутила она. – Конечно, он жив и ждет не дожидается встречи со своей внучкой! Сначала он хотел прилететь, как только ты перешла в наш мир, но я попросила его подождать, чтобы не пугать тебя еще больше, потом он хотел встретиться нас у дворца, но срочные дела потребовали его личного присутствия в другом месте, и вот теперь он ждет нас в тронном зале... – она осеклась, встретившись с тяжелым взглядом Изабеллы.

– Не знаю, должна ли я говорить это вслух, – медленно произнесла дочь. – Но, поскольку мне так привычнее, скажу: я не двинусь с этого места, пока ты мне все не объяснишь. Начни, пожалуйста, с того места, когда твой отец слег и не поднимался с постели. Как твое появление через десять лет смогло спасти его и весь ваш мир?

Картерри виновато посмотрела на дочь.

– Дело в том, что я вернулась не через десять лет, а гораздо раньше... – еле слышно проговорила она.

Изабелла вскинула на нее изумленный взгляд, потом понимающе кивнула:

– Ах, да... Ты говорила...

Взгляд мамы стал еще более виноватым, она перебила Изабеллу:

– Нет, дело не в том, что здесь и там время течет по-разному... В общем, слушай. Твой отец и я... мы очень любили друг друга, но совсем не собирались бежать так далеко – в другой мир. Я сама до сих пор не понимаю, как это получилось... – она потерла рукой лоб. – За нами гнались... Потом была какая-то ведьма... Она открыла портал... Это она, а не твой отец отправила меня в другой мир! Я не помню ее лица... Все время стараюсь вспомнить, но не могу... Ладно, это сейчас не важно. Оказавшись в чужом мире, мы вынуждены были пытаться выжить. Нам удалось, но мы все время хотели вернуться в свой мир. Твой отец великий колдун. Даже в вашем мире ему удалось отыскать небольшой источник магии. Рядом с ним мы

построили свой дом. Отец все время пытался открыть портал в наш мир, но, когда ему это, наконец, удалось... – она замолчала.

Изабелла хотела напомнить ей, что не умеет читать мысли, но промолчала и терпеливо ждала продолжение. Мама вздохнула, но потом крепко обняла дочь.

– Поверь, мы были очень счастливы, когда ты родилась, – сказала она. – Но это означало, что на двадцать один год мы были привязаны к одному миру.

– Как это? – не поняла Изабелла.

– Ребенок, рожденный в одном из миров, должен жить там, пока ему не исполнится двадцать один год, а потом сделать выбор.

– А как же ты? – удивилась Изабелла.

– Меня спас твой отец. Он, его отец, а до этого его дед и прадед были личными целителями нашей семьи... Твой отец поддерживал мою жизнь. Благодаря его магии, его искусству врачевания, я осталась жива.

– Почему он не мог спасти в вашем мире меня?

– Рисковать своим ребенком?! – вскинулась Картерри.

"Настоящий дракон!" – невольно подумала Изабелла, но тут же одернула себя и виновато посмотрела на мать – та рассмеялась:

– А разве ты все еще сомневаешься?

Потом она на несколько секунд замолчала. Изабелла ждала, стараясь не думать. Мама продолжила свой рассказ:

– Я сказала тебе тогда про разный ход времени, чтобы успокоить тебя, – призналась она. Дело в том, что портал – это не только проход между мирами, это некий временной коридор. Умея управлять им, можно пройти не только в иной мир, но и попасть в этот мир на какое-то время позже или раньше, чем то, из которого ты отправляешься. Разрыв не может быть очень большим, но иногда и этого бывает достаточно. Кстати, в твоём мире до дня летнего солнцестояния оставалось всего две недели, когда ты пришла к нам, а в нашем мире у тебя на раздумье целых два месяца!.. – она резко замолчала.

– При чем тут день летнего солнцестояния? – с подозрением спросила Изабелла.

– О-о... Это очень большой праздник! – радостно сообщила Картерри, и Изабелла впервые пожалела, что не умеет читать мысли. – Но я не рассказала тебе самого главного! – через чур быстро и охотно мама перескочила на тему, о которой долгое время не хотела говорить. – Отец построил портал прямо в нашем доме. Постоянный портал, и после твоего рождения я немедленно отправилась к отцу. Рассказала ему, что со мной все хорошо, рассказала о твоём рождении – эти известия сразу вернули ему силы, и спокойствие в нашем мире было восстановлено. Я и потом время от времени посещала свой мир... – мама замолчала. Она молчала уж слишком долго, и Изабелла наконец потеряла терпение.

– Ну? – она требовательно посмотрела на маму. – Почему же ты все-таки ушла, если все было так прекрасно?

И тут у мамы в глазах снова появились слезы.

"Может, она все-таки еще и водный дракон... немного", – подумала Изабелла. Мама подняла на нее глаза и улыбнулась, затем смахнула слезу и крепко-крепко прижала к себе дочь.

– В твоём... в том мире, где ты родилась существует много анекдотов, которые начинаются словами: "Вернулся муж из командировки..."

Она снова замолчала.

– Не может быть!!!

Изабелла вытаращила глаза и, как рыба, только открывала и закрывала рот, будучи не в силах больше произнести ни слова. Мама лишь грустно кивнула головой.

Раздался осторожный стук в дверь. Мама поспешно встала и отвернулась к окну.

– Войдите! – ответила Изабелла.

Юный паж отдав низкий поклон, торжественно проговорил:

– Их Величество спрашивает, скоро ли госпожа Огненный Дракон и его внучка спустятся в тронный зал.

– Да. Мы идем, – степенно проговорила мама, поворачиваясь к пажу. Изабелла в очередной раз удивилась произошедшей в ней перемене: абсолютно спокойное, доброжелательное лицо – ни тени переживаний или волнений. "Умеющие читать чужие мысли умело скрывают свои мысли и чувства от окружающих!" – с горечью подумала она, и ее нисколько не заботило, прочтает мама эти ее мысли или нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.